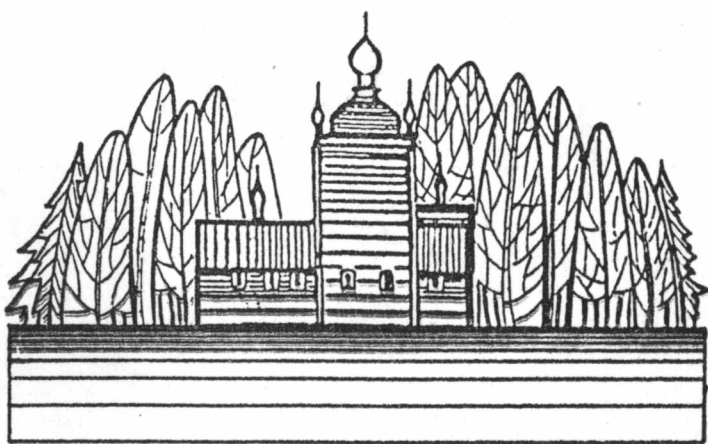

**ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
ВОДЛОЗЕРСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ПАРКА**

Российская Академия наук
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

Федеральная служба лесного хозяйства России
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИРОДНЫЙ ПАРК
«ВОДЛОЗЕРСКИЙ»

**ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ВОДЛОЗЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА**

Петрозаводск 1995

147255A

Научный редактор: В.С.Куликов

**Рецензенты: А.Д.Волков,
 Ю.И.Сыстра**

147256A

ISBN 5-201-07761-7

© Карельский научный центр РАН, 1995

Филатова В.Ф. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 9-64.

Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302-348.

И.Муллоңен

ЗАМЕТКИ О ТОПОНИМИИ ВОДЛОЗЕРЬЯ

Топонимия, или совокупность географических названий, — это достаточно универсальный материал, в котором отразились культура и быт местного населения, природа края, его ландшафтные особенности, освоенность человеком и многое другое. В силу хронологической и географической приуроченности определенных типов и моделей названий топонимия способна участвовать и в решении некоторых этноисторических проблем. Именно этноисторическому аспекту топонимических изысканий посвящена данная статья. Она основывается на полевых материалах, хранящихся в топонимической картотеке Института языка, литературы и истории КНЦ РАН. Картотека топонимов Водлозерья насчитывает около 1 тыс. географических названий.

Водлозерье — своеобразный заповедник древней топонимии — и прибалтийско-финской, и особенно предшествовавших ей топонимных типов. Хорошая сохранность древних географических названий связана, видимо, с редкой заселенностью и малой освоенностью этой территории. Кроме того, это и отражение самого характера заселения Водлозерья. Предшествующий пласт топонимии имеет значительно больше шансов сохраниться, если последующая волна заселения не носит плотного, массивного характера, а представляет собой постепенное внедрение пришлого населения (в процессе промыслового освоения) в среду местного населения. Такая ситуация предполагает длительные контакты пришлого населения с местным, в ходе которых усваивается топонимия последнего. Видимо, именно так заселялось Водлозерье и русскими, и их предшественниками прибалто-финнами. Как следствие отмеченного характера освоения ареала в гидронимах (названия рек, озер, ручьев), которые отличаются особой устойчивостью и хорошей сохранностью на фоне других разрядов топонимов, русский пласт значительно уступает в количественном отношении прибалтийско-финскому, а последний, в свою очередь, доприбалтийско-финским.

Наименования подавляющего большинства рек, а также относительно крупных озер Пудожья не поддаются удовлетворительной этимологизации с помощью известных языков. Среди них Водла, Вама, Тонда, Кеда, Чекша, Келка и другие реки бассейна Водлозера. Известно, что названия, подобные перечисленным, широко распространены на территории Европейского Севера. Очевидно, они оставлены этносом или этносами, заселявшими в

древности эту обширную территорию, но позднее ассимилированными последующими волнами заселения и утратившими свой язык.

Нерасшифрованность древних топонимов вынуждает обратиться, во всяком случае на первом этапе поиска, не к их основам, а к так называемым топоформантам — конечным элементам, присущим многим топонимам одного ряда; ср. распространенные на Российском Севере названия рек на -нга, -ньга (в Пудожье Паланга, Тихманга, Гузеньга, Чаженьга), -ма (Сомбома, Андома, Охтома, Вешкома), -с/-кса (Велмукса, Рагнукса, Шундукса, Гакукса, Недекса, Кумбаса, Пильмаса). К формантному методу в разное время обращались многие исследователи топонимии Европейского Севера, однако их выводы и наблюдения достаточно противоречивы и далеко не всегда убедительны. Это связано прежде всего с теоретической неразработанностью проблемы субстратных севернорусских топоформантов, с неясными представлениями об их природе и специфике. Обозначился определенный теоретический тупик, отразившийся, в частности, в том, что последние четверть века проблема топоформантов в ономастической литературе не обсуждалась.

На фоне чрезвычайно сложных для интерпретации древних наименований рек достаточно четко выделяются топонимы саамского и особенно прибалтийско-финского происхождения. Их отличительная особенность — употребление в микротопонимии, т.е. в названиях небольших по размерам и функционально менее значимых, чем, к примеру, реки, географических объектов — сельскохозяйственных угодий, озерных заливов, мысов, островов, болот, речных порогов, гор и др. Иногда эти топонимы можно встретить и в названиях небольших рек и озер.

Впрочем, в интерпретации саамского пласта далеко не все ясно и однозначно. С одной стороны, «лопляне», т.е. саамы, о которых упоминается в «Житии Лазаря Муромского» XV в., оставили о себе достоверную память в местных географических названиях на Водлозерье. В названии залива Нерголахта (Келкозеро) закрепилось саамское слово *park* 'озерный мыс'. Саамское слово со значением 'середина, центр' лежит в основе названия Ковда — рукава р.Илексы. Семантика связана с тем, что между рукавом, отделившимся от основного русла реки, а затем вновь объединившимся с ним, и самим руслом расположен своего рода остров суши, 'середина', окруженная водой. Название мыса Коткутнаволок на западном берегу Водлозера восходит, вероятно, к саамскому слову *guotko* 'узкий перешеек между двумя водоемами', что достаточно оправдано в названии мыса, вдающегося далеко в озеро. В названии оз.Кеткозеро закрепилось, по-видимому, саамское слово *ketk* 'камень', таким образом, это 'Каменное озеро'. К слову со значением 'болото' восходят топонимы с основой *янг-* (Янгозеро, р.Янга, бол.Янгмох и др.).

С другой стороны, приведенные и подобные им примеры-это, по всей вероятности, лишь верхушка айсберга. Саамские истоки топонимов определяются достаточно примитивным методом — путем подбора соответствующих слов из современных саамских диалектов. Между тем современный саамский язык, на котором говорят саамы, проживающие на севере Фенноскандии, далеко не адекватен древнему, распространенному, видимо, на достаточно

обширной территории, включавшей и Карелию. Многие языковые факты, особенно лексические, сложились уже на территории нынешнего проживания саамов (Матвеев, 1979). Кроме того, язык современных саамов восходит к северному саамскому диалекту. Южный же диалект, который, бытовал, возможно, на территории Карелии, был полностью поглощен прибалтийско-финскими языками в процессе освоения их носителями Севера (Korhonen, 1981). Современные саамские языковые данные способны, таким образом, лишь фрагментарно отразить древнюю языковую ситуацию на территории Обонежья.

Необходимо также иметь в виду, что саамский язык прошел в своем развитии несколько этапов. По современным лингвистическим представлениям, его истоки в прибалтийско-финско-саамском праязыке — древней общей языковой основе прибалтийско-финских и саамского языков. После распада этой общности в развитии саамского языка выделяются еще два этапа: прасаамский (I тысячелетие до н.э. — конец I тысячелетия н.э.) с праязыковыми диалектами и период развития современных саамских диалектов. При этом в саамском языке имеются признаки, бесспорно отличные от прибалтийско-финских и свидетельствующие о синтетическом происхождении саамского языка. К сожалению, на сегодняшний день в топонимике не выработаны четкие критерии, позволяющие относить определенные географические названия к тому или иному этапу развития саамского языка, не выявлены свойственные каждому из них топонимные модели. Можно лишь предполагать, что, к примеру, название р.Илексы (судя по его фонетическому облику) восходит к прибалтийско-финско-саамскому праязыку. Конечное **ksa* здесь — либо топоформант **ks(e)*, присоединившийся к основе **ylä* со значением 'верх, верхний', либо часть древней основы **yläks-* с тем же значением. И в том и в другом случае Илекса значит 'Верхняя река', что соответствует ее географической характеристике. Конечный элемент *-nja* в водлозерских топонимах Колонжа, Ухтинжа, Наглинжа и некоторых других — это, возможно, прасаамский демунивативный или уменьшительный суффикс **-nDze*. Прасаамские истоки вероятны и для топоформанта *-нга/-нья*, который, видимо, представляет собой модификацию упомянутого **-nDze* (Kiviniemi, 1984). В собственно саамский период языкового развития, т.е. в конце I тысячелетия н.э., прасаамский **-nDze* преобразуется в саамский демунивативный суффикс *-š*, который, в свою очередь, отразился, возможно, в целом ряде географических названий Водлозера: реки Голюша, Киндеша, Ундоша, возможно, также Кеража, Ченежа; острова Имишостров, Карешостров, Коташостров, Велешостров и т.д. Не исключено в связи с этим, что многие топонимы на *-ша* на Российском Севере, которые в исследованиях по субстратной севернорусской топонимии приняты вслед за Б.А.Серебренниковым (1955) относить к топонимам волго-окского типа, в действительности имеют саамское происхождение.

В заключение остановимся на некоторых проблемах прибалтийско-финской истории Водлозерья и — шире — Пудожья. Топонимическая система этого региона буквально пронизана прибалтийско-финскими названиями, особенно в микротопонимии, свидетельствуя о том, что предки и родственники современных вепсов и карел освоили регион в свое время довольно

основательно. В связи с этим возникают два вопроса, ответы на которые имеются в области топонимики: можно ли четко определить этнические истоки здешнего прибалтийско-финского этноса и каковы хронологические рамки прибалтийско-финской истории в Пудожском крае.

Ответ на первый вопрос предполагает поиски дифференцирующих маркирующих признаков, свойственных топонимическим системам разных прибалтийско-финских языков. Решается эта задача непросто, поскольку прибалтийско-финские языки находятся в чрезвычайно близком родстве и имеют мощную общую основу. Все же некоторые особенности прибалтийско-финской топонимии Пудожья наводят на мысль о ее вепсских истоках. Собственно, мысль эта не нова. Наиболее четко она была сформулирована Д.В.Бубрихом в конце 40-х годов, причем данный вывод базировался на тех типично вепсских фонетических особенностях, которые просматриваются в водлозерских топонимах (Бубрих, 1947). К фонетическим особенностям можно добавить и некоторые достаточно показательные лексические.

В верховьях и среднем течении Водлы и на Ваме есть несколько речных перекатов или небольших порогов, в названии которых присутствует слово *пуганда*: Мегрепуганда, Житная Пуганда, Черная Пуганда, Извозная Пуганда, Верхняя и Нижняя Пуганда, два порога под названием Пуганда. Географический термин *пуганда* в значении 'место с быстрым течением и камнями на реке; стремнина; узкое русло реки с быстрым течением' самобытен для Пудожья, ему нет аналогов в русских говорах других территорий. Зато он обнаруживается в вепсском языке и топонимии в Южном Присвирье. Причем это чисто вепсский географический термин (*pugand*), неизвестный другим прибалтийско-финским языкам. На Водле, таким образом, сохранилось специфически вепсское слово. В то же время здесь отсутствуют некоторые дифференцирующие карельские языковые признаки. В качестве примера можно привести местный географический термин *ламба*, *ламбина*, широко бытующий в русских говорах Заонежья, Прионежья, Беломорья и лишь спорадически появляющийся в Пудожье. В русских говорах Карелии этот термин имеет безусловные карельские корни (ср. кар. *lampi*, *lambi*), поскольку соответствующая лексема неизвестна вепсскому языку и, видимо, не была известна ему и в прошлом. Во всяком случае, в топонимии вепсов следы этой лексемы отсутствуют. Любопытно, что такая же ситуация наблюдается и в топонимии Водлозерья, в которой нет названного географического термина. Добавим к этому, что хотя лексема *ламба* и известна некоторым современным пудожским говорам, отсутствие ее следов в топонимии, а также полноценного ареала лексемы в Пудожье, скорее всего, указывает на то, что слово проникло на эту территорию достаточно поздно — или в связи с освоением ее русским населением, или с более поздним освоением Пудожья карелами.

Эти два лексических факта в совокупности с некоторыми другими лексическими, а также фонетическими признаками свидетельствуют в пользу вепсского прошлого Пудожья.

Когда же древние вепсы проникли в этот регион и, в частности, в Водлозерье? Значительную помощь в решении этого вопроса может оказать такая примечательная топонимная модель, как ойконимы, т.е. названия

населенных мест, на -ла, типа водлозерских Рахойла, Чуяла, а также, возможно, Вачелово, Курдилово, Дешалово, Онгилова Гора, Бостилово, в которых конечное прибалтийско-финское -ла несколько затушевано. Результаты анализа данного типа топонимов на вепсской территории в Южном Присвирье свидетельствуют о том, что он принадлежит носителям культуры курганов Юго-Восточного Приладожья рубежа I-II тысячелетия н.э. (Муллонен, 1991). Примечательно в связи с этим, что некоторые из водлозерских ойконимов на -ла идентичны присвирским не только по форме, но и по основам. В этих ойконимах, как и в ойконимах вепсского Присвирья, присутствуют вепсские имена и прозвища жителей: в названии Рахойла отчетливо звучит прибалтийско-финское дохристианское личное имя Рахой, Вачелово восходит, возможно, к прозвищу Вачай, Вачей и т.д. (см. подробнее о вепсском дохристианском именослове — Муллонен, 1988). Основываясь на общей топонимной модели, можно предположить, что вепсские топонимы на -ла, помечающие места наиболее раннего оседлого вепсского освоения, появляются в Водлозерье одновременно с Южным Присвирьем, т.е. на рубеже I-II тысячелетия н.э.

Обозначив начальную границу прибалтийско-финской (вепсской) истории Водлозерья, попытаемся установить и ее примерную конечную фазу. К какому времени относится окончательное обрусение здешних вепсов?

Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. содержат косвенные (опять-таки топонимные) указания на двуязычие местного населения Водлозерья в то время. Об этом свидетельствуют переводные топонимы: «Дер. на Медвежье наволоке словет на Конде наволоке» (ПКОП, с.173); Конда, ср. вепс. *kondi* 'медведь'; «Дер. на Воронье поле словет в Варишпалды» (ПКОП, с.175); Варишпалда, ср. вепс. *variš* 'ворона', *peld* 'поле'. Судя по облику топонимии Водлозерья, вепсская речь продолжала звучать здесь и после XVI в. На Водлозерье прекрасно сохранились микротопонимы прибалтийско-финского (вепсского) происхождения. Для микротопонимов характерна достаточная мобильность, изменчивость, бытование их не столь продолжительно, как, к примеру, у гидронимов. И тем не менее в микротопонимии Водлозерья масса четких, ясных вепсских основ: Нотостров (*not* 'невод'), Нагришनावолок (*nagriz* 'репа'), зал. Везиматка (*vezi* 'вода', *matk* 'путь, дорога'), Кукогора (*kuk* 'горка, холм'), Пигалахта и Пиганаволок (*pühä* 'святой') и др. Особенно показательны сложные названия, в которых без изменения сохраняется прибалтийско-финский детерминант, или основной элемент: Вези/матка, Шива/ранда, ср. *rand* 'берег'. Дело в том, что при усвоении прибалтийско-финской топонимии русским языком достаточно четко проявляется закономерность, в соответствии с которой этот основной элемент переводится: вепс. *Vehkjärv* → рус. Вехкозеро, вепс. *Vehkoja* → рус. Вехкручей. Именно с учетом данной закономерности образовались водлозерские топонимы Куганаволок, Ламбасостров, Кукогора и многие другие. Но в Водлозерье довольно много таких названий, когда основной элемент не переведен, а сохранен в первоначальном виде. Примером могут служить названия сельхозугодий с основным элементом -пелда (вепс. *peld* 'поле': Вакипелда (д.Чуяла), Кодапелда (д. Куганаволок), Кипелда (д.Гумарнаволок), Чурпалда (д.Колгостров),

Ижпелда и параллельно переводное Ижполе (д.Пога). Топонимы, подобные этим, являются свидетельством относительно недавнего обрусения.

Таким образом, судя по топонимическим данным, традиционная культура Пудожья (и Водлозерья в особенности) сформировалась в результате сплава, взаимодействия, взаимопроникновения двух традиций — русской и местной прибалтийско-финской (вепсской), которая, в свою очередь, впитала элементы предшествующей саамской традиции. При этом не исключаются и прямые саамско-русские контакты. Однако изучение формирования саамской топонимии на разных этапах, а также выявление и этническая интерпретация возможно более древних пластов в гидронимии Пудожья пока затруднены.

Литература

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947.

Матвеев А.К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С.5-14.

Муллонен И. О вепсской антропонимии: Опыт топонимической реконструкции // Советское финно-угроведение. 1988. С.271-282.

Муллонен И. Этноисторические мотивы топонимии Межозерья // Л.А.Голубева, С.И.Кочуркина. Белозерская весь по материалам поселения Крутик IX-X вв. Петрозаводск, 1991. С.187-196.

Серебренников Б.А. Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955, № 6. С.19-31.

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Kiviniemi E. Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Helsinki, 1984. S.327-346.

Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.

К.К.Логинов

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ВОДЛОЗЕРЬЯ

Согласно археологическим исследованиям, Водлозерье — одна из наиболее рано освоенных человеком территорий Карелии (Косменко, 1992). Правда, определить этническую принадлежность наиболее древних насельников края (периода мезолита и неолита — VI — середина II тысячелетия до н.э.) нам, по-видимому, не удастся. Сравнение археологических и этнолингвистических данных (Косменко, 1992) позволяет утверждать, что как называемые «протосаамы» появились здесь в эпоху бронзы (сер. II тысячелетия — сер. I тысячелетия до н.э.), южно-саамские племена — в эпоху железа (V в. до н.э. — VII в. н.э.), балтийские финны — в средневековье (конец I — начало II тысячелетия н.э.). Под балтийскими финнами конкретно подразумеваются предки современных вепсов. Причиной заселения древними вепсами южной Карелии и Заволочья было стремление